

ДИАЛОГ С ИНОСЛАВНЫМИ И ИНОВЕРНЫМИ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯМИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ¹

Аннотация: В статье анализируется опыт существования верующих Русской Православной Церкви в условиях гражданской войны и сложной военно-политической обстановки в Таджикистане в период 1990–2023 гг. Целью статьи является обобщение опыта жизни и деятельности наших соотечественников в среде мусульманского населения, имеющего собственную государственность, а также с представителями инославных конфессий. Основываясь на малодоступных материалах, полученных в период проживания в Таджикистане, и деятельности в структурах российской диаспоры, автор показывает специфику повседневной жизни православных в отношениях с представителями различных конфессий. В заключении делается вывод, что опыт жизни и деятельности православных с инославными и иноверными гражданами в Республике Таджикистан является ценным материалом для изучения и применения в условиях России, и в том числе в Оренбуржье.

Ключевые слова: национальные диаспоры, исламский фундаментализм, гражданская война, иноверческая среда, инославные.

Цитирование: Дубовицкий В. В. Тема духовного патриотизма в древнерусских литературных памятниках / В. В. Дубовицкий // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 2 (27). С. 296–314.

Сведения об авторе: Дубовицкий Виктор Васильевич – доктор исторических наук, независимый исследователь (Россия, Оренбургская обл., пос. Новосергиевка). E-mail: rosdiaspora@ Rambler.ru

Поступила в редакцию 12.04.2023

Принята к публикации 26.04.2023

¹Автор, используя термин «гражданская война в Таджикистане», не ограничивается принятыми формальными рамками этого события (1992–1997 гг.), но учитывая перманентную напряжённость в стране, расширяет рамки исследования до 2023 г.

Анализируя заявленную тему, необходимо учитывать социальные и политические процессы, происходившие в Таджикистане в указанный период. Военно-политическая остановка в республике накануне развала Советского Союза во многом являлась стандартной для всех формально союзных государств страны: нарастающий развал экономики, построенной на всеобщем разделении труда; суэта партийно-правительственных кругов в дележе материальных благ; всплеск национализма и обвинения в адрес центрального правительства СССР, а также русского населения в «колониализме» и «угнетении коренного народа»... Европейское население составляло на 1989 г. 9,5 % от общей численности жителей республики, из которых 85 % были русские – т.е. великороссы, малороссы (украинцы) и белорусы, условно считающиеся православными. Мы используем термины «православный» и «мусульманин» без учёта степени верования в Бога (воцерковления) и соотносим эти данные с культурно-исторической традицией исповедания той или иной религии определённым этносом. Соответственно всё русское население рассматривается как православное, а население коренных среднеазиатских национальностей – мусульманами. Далее в работе наименования: «православный», «христианский», «русскоязычный», «русский» выступают в роли синонимов с незначительными смысловыми оттенками, используемыми для удобства обозначения православной диаспоры и тех процессов, которые окружают её жизнь.

После выбора независимого пути развития в государствах Средней Азии произошёл ряд процессов, которые изменили статистический вес христианского населения. В первую очередь в их ряду можно назвать запущенный распад СССР экономический спад, а также разрушение общесоюзной промышленной инфраструктуры, в результате чего стали невостребованными многие профессии и русскоязычное население с 1990 г. начало выезжать на этническую родину. С 1991 по 1995 гг. этот процесс

фактически принял характер эвакуации. В итоге уже в 2000 г., по официальным данным, русское население Республики Таджикистан (РТ) составило лишь 1,1 % от общей численности населения страны. По данным руководства российской диаспоры, эта цифра не превышала 50 тыс. человек [13, с. 1]. На сегодняшний день это процентное отношение, по данным российской диаспоры, не превышает 0,5 %.

Оставшаяся диаспора вынуждена была приспособливаться к новым условиям жизни.

Надо отметить, что некоторые из действий правительства РТ были направлены на то, чтобы снизить массовый выезд русскоязычной молодёжи за рубеж. Одним из таких шагов была организация совместно с российскими представительствами в республике относительно доступного высшего образования на русском языке. Так, например, в Таджикистане в 1997 г. открыт Таджикско-Российский Славянский университет (РТСУ), обучение в котором ведётся на русском языке по программам российских вузов. Группы с русским языком обучения сохраняются в Национальном государственном университете, Душанбинском медицинском университете и Политехническом институте. Следует отметить, что эти группы фактически формируются из иностранных студентов Индии и Туркменистана; преподавание ведётся на весьма обеднённом русском языке, которым владеют преподаватели среднеазиатских национальностей.

Русскоязычное население после периода экономических и политических преобразований определилось и с профессиональными нишами. В настоящее время его представителей крайне редко можно встретить среди правящей политической элиты. В основном русскоязычная молодёжь и люди среднего возраста заняты в сфере обслуживания (гостиницы, рестораны, частная медицина и т.п.); в работе с компьютерной техникой и в других высокотехнологичных специальностях; в качестве офисных работников низшего и среднего звена; технических специалистов

на производстве; в частном предпринимательстве; в российских военных² и коммерческих структурах; в мелкой розничной и т.н. «сетевой» торговле.

При этом представленная достаточно широко русскоязычная православная диаспора не живёт автономной жизнью по типу чайна-таунов, не локализуется географически в виде ливанских христианских кварталов, не теряет своей культурной традиции и имеет разнообразные формы самоорганизации, что в принципе встречает поддержку со стороны государства. В каждой из республик Средней Азии, кроме Туркменистана, русское и русскоязычное население имеет собственные формы культурной и общественной самоорганизации: в Таджикистане – Совет Российских соотечественников; в Узбекистане – Русский культурный центр и другие национальные культурные центры; в Кыргызстане – ряд организаций, часть из которых объединена в Совет славянских организаций. Но, вместе с этим, можно говорить о том, что медленно, но достаточно поступательно православное население затрагивают процессы ассимиляции. Особенно они заметны в сельской местности и в небольших по населению городах, где русские женщины часто выходят замуж за таджиков. В созданных ими смешанных семьях дети, как правило, воспитываются в мусульманской традиции. Часто, правда, под влиянием матери дочери всё же становятся христианками, а сыновья, следуя за отцом – мусульманами. При достаточной веротерпимости в таких семьях могут праздноваться одновременно и мусульманские, и христианские праздники. Более того, в традициях обеих конфессий – взаимные поздравления с религиозными и народными праздниками (фото 1).

²Имеются в виду российские военные структуры в Кыргызстане, и особенно в Таджикистане, где находятся 201-я РВБ, Группа погранвойск и объект ВКС России «Окно», куда открыт доступ местным русским в качестве контрактников.

*Иерей храма Иверской иконы Божией Матери
201-й РВБ на празднике Навруз, 2020 г.*

До 2011 г. православные верующие страны организационно входили в состав Ташкентской и Среднеазиатской епархии. К моменту развала СССР на территории Таджикистана насчитывалось пять православных храмов: три – в южном Таджикистане (том числе Свято-Никольский кафедральный собор) и три – в северной части страны. Два из них – в г. Ленинабаде (ныне г. Худжанд) и в г. Ура-Тюбе – были построены в конце XIX в.; остальные храмы открыты в период 1943–1945 гг.

Для глубокого рассмотрения темы необходимо охарактеризовать также состояние мусульманской среды в Таджикистане на момент «перестройки». По данным социологических опросов, 95,3 % населения страны считало себя мусульманами [9, с 5.]. Из общей численности мусульман страны 95,3 %

исповедовало ислам суннитского толка (ханафитский масхаб), и 4,7 % – исмаилизм – т.е. одно из направлений шиизма. В первую категорию входит таджикское, узбекское, киргизское, туркменское и карлукское население страны; во вторую – населяющие Горно-Бадахшанскую Автономную Область (ГБАО) припамирские таджики, в просторечии именуемые «памирцами» или «бадахшанцами». Большинство мусульманского населения страны, хотя и не считает обязательным соединение требований шариата с государственным правом РТ, во многом строит свою личную жизнь на его основе.

Начало гражданской войны в Таджикистане в феврале 1990 г. было связано с активной деятельностью радикальных исламистских группировок, сформированных при участии западных стран, а также Ирана, Афганистана, Турции. Основу их составляли приверженцы проживающих в Южном Таджикистане суфийских тарикатов Кадрие и Накшбандия [12, с. 3].

Население Горного Бадахшана, в большинстве своём исповедующее исмаилизм, уже в конце 1980-х годов подвергалось всё усиливающемуся влиянию главы исмаилитов-низаритов Ага-хана IV. Только в двух районах ГБАО – Дарвазском и Ванчском – проживает суннитское население. Необходимо отметить, что, хотя между суннитским и исмаилитским населением страны веками существовала неприязнь, часто переходящая в столкновения, «памирцы» в период 1989–1992 гг. оказались в союзе с исламскими фундаменталистами – суннитами, выступая против светской власти. Этот религиозно-политический блок получил в политологии название «демо-исламистского». В частности, в руководство объединённой таджикской оппозиции от ГБАО вошёл Мухаббатов Саламшо – генерал-майор формировавший оппозиции, бывший председатель «Совета Джихада Бадахшана», суннит по вероисповеданию.

Однако большая часть мусульманского населения выступила в те годы против исламского фундаментализма и начала

активно вести против него борьбу в составе сформировавшегося в конце 1992 г. «Народного фронта».

Анализируя отношение к православным со стороны мусульман, нужно отметить, что на него первоначально накладывалось восприятие русских этносов, как олицетворения центральной, «московской» власти. Однако отношение к воцерковленным верующим было вполне уважительным. Во многом, по мнению автора, это было вызвано восприятием их, как некоей «оппозиции» коммунистической власти, с которой и начинался военно-политический конфликт, вскоре перешедший в гражданскую войну.

В период наиболее интенсивных боевых действий в Южном Таджикистане русское население не подвергалось целенаправленным нападениям со стороны исламистов, но нередко попадало под удар во время боёв между враждующими группировками. По данным руководства российской диаспоры, в период 1992–1997 гг. погибло 64 человека из числа русского гражданского населения [11, с. 4]. В то же время общие потери населения РТ в эти годы оцениваются, по разным источникам, от 100 до 500 тыс. чел. [10, с. 1].

Бытовые отношения православных и мусульман страны в период 1990–1997 гг. характеризовались взаимной терпимостью, свойственной, прежде всего, сельскому населению. В то же время в крупных населённых пунктах и городах из-за большей подверженности населения исламистской и националистической пропаганде, отношения были более напряжёнными, переходящими порой в конфликты, сопровождающиеся оскорблениями и хулиганством, прежде всего в отношении детей и женщин.

С началом острой фазы боевых действий (5 мая 1992 г.) отношение к русскому населению стало быстро меняться в лучшую сторону, из-за осознания обеими сторонами межтаджикского конфликта внутреннего характера его причин. Имеются примеры помощи со стороны православных мусульман той или иной

этно-территориальной группы в укрывании от преследования со стороны политических оппонентов. Острота противостояния иногда приводила к тому, что старики-таджики завещали своим детям не хоронить их на одном кладбище рядом с боевиками-исламистами, а хоронить их на «русском» кладбище. В сельской местности (прежде всего, в Вахшской долине – пос. Сарбанд) при обращении православных к соседям-мусульманам с просьбой о помощи в захоронении умерших родственников последние (также часто едва сводящие концы с концами), не имея средств на изготовление гробов, предлагали произвести захоронение по мусульманскому обряду – т.е. положить обнажённое тело в саване в могилу с подбоем, заложенным кирпичами [7].

Известны также факты, свидетельствующие о том, что в ходе взаимных репрессий обе конфликтующие таджикские стороны стремились не «осквернять» мусульманские кладбища телами расстрелянных противников, а вывозили и бросали их на «русском» кладбище.

Межконфессиональное взаимодействие отмечено и в фактах обращения в ислам русских военнослужащих, попавших в плен к исламистам-суннитам. Так, двое русских солдат, служивших в рядах таджикских правительственных войск в 1996 г. и попавших в плен в Гармском районе РТ, были обращены в ислам с совершением обряда обрезания. Известен также факт обращения в ислам русского солдата-пограничника Сергея Туманова, попавшего в плен к боевикам и вывезенного в Афганистан. После его освобождения он выразил желание принять крещение в Свято-Никольском храме г. Душанбе [1. с. 4]. Представляет также интерес факт освобождения двух упомянутых русских солдат, произведённых по инициативе русской диаспоры при дипломатической и технической помощи (оплата вертолёт) посольства Ирана в Таджикистане.

Наиболее постоянные и плодотворные контакты у православных в Таджикистане установились с мусульманами-

исмаилитами. Причиной тому было оказываемое с 1890-х годов (когда названная территория была присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству Российской империи) покровительство России населению Горного Бадахшана. Русские войска (в том числе казаки 6-го Оренбургского казачьего полка), вошедшие на территорию Горного Бадахшана, не только спасли таджикское население от геноцида афганцев, но и прекратили преследование исмаилитов со стороны суннитских властей Бухарского ханства [2, с. 14]. Интересным фактом веротерпимости исмаилитов в начале XX в. является их участие в постройке православного храма в гарнизоне Хорогского пограничного отряда в период 1911–1914 гг. [3]. Несмотря на то, что в годы острого военно-политического противостояния в РТ, «памирцы» оказались в одном блоке с исламскими фундаменталистами, их отношение к православным можно характеризовать как симпатию. Историческая память таджиков-исмаилитов до настоящего времени выделяет положительные качества русских.

Постоянно находясь в среде суннитов в положении «еретиков», они с готовностью идут на контакт по самым разным вопросам. Этому сотрудничеству способствует и здание Исмаилитского центра, построенного на средства Ага Хана IV в г. Душанбе, представляющее из себя комплекс из мечети, конференц-залов, аудиторий оснащенных аудио- и видеотехникой и кухней для проведения приемов и кофе-брейков (фото 2).

С 2012 г. руководством Душанбинской и Таджикистанской епархии в Исмаилитском центре проведено пять международных научных конференций («Иоанновские чтения») на темы истории православной церкви, ислама и духовного воспитания молодёжи. Ежегодные чтения в Душанбинской и Таджикистанской епархии посвящены Св. Иоанну Русскому, имя которого носит один из приделов кафедрального Свято-Никольского собора в г. Душанбе. В них принимали участие клирики и учёные-религиоведы из Таджикистана, России, Киргизии и Узбекистана.

Фото 2.

Исмаилитский центр в г. Душанбе

Оплату аренды помещений и питание участников конференции полностью брала на себя исмаилитская община.

Необходимо также упомянуть о православно-мусульманских отношениях в российских армейских структурах.

Российско-таджикское межправительственное соглашение от 1995 г. дало возможность получения двойного гражданства. Кроме того, ещё одно межправительственное соглашение сделало возможным призыв на службу в погранвойска России – т.е. в ГПВ РФ в РТ (с 2003 г. ГПВ ФСБ РФ в РТ) – граждан Таджикистана. В результате 80 % рядового и сержантского личного состава российских погранвойск в период 1994–2005 гг. были таджиками. Российский воинский устав не учитывал религиозную принадлежность военнослужащего, что создавало некоторую напряжённость между рядовым и офицерским составом, состоящим в основном из русских. Но сами офицеры православно-го вероисповедания часто сами снимали её, проявляя гибкость

в вопросах веры. Один из примеров её – освобождение солдат-мусульман от несения нарядов и работ в дни крупных религиозных праздников. Показателен также пример устройства в 1996 г. в Пянджском погранотряде христианской молельной комнаты и мечети в одном помещении, разделённом стеной.

Помогали в этом деле военным и православные гражданские люди. Так, в 1998 г. казачьей общиной «Амударьинская линия» на погранзаставе Пянджского и Московского погранотрядов была осуществлена доставка более ста экземпляров Библии на таджикском языке, которая была издана в Стокгольме (Швеция) в 1992 г. и доставлена в Душанбе Библейским обществом.

Говоря о взаимодействии с инославными верующими в Таджикистане, нужно отметить, прежде всего, их сравнительно малую численность. Так, баптистская церковь в Таджикистане представлена жителями городов Душанбе, Худжанда (Ленинабад), Курган-Тюбе (Бахтар), а до 1992 г. – районных центров Дусти, Вахш, Кунсангир, Пяндж, где проживало немецкое и латышское население, высланное сюда в результате репрессий в 1945–1947 гг. Общая численность христиан-баптистов в РТ в 1990 гг. оценивалась экспертами в 4–4,5 тыс. чел. [8]. Численность баптистов русских составляла примерно 30 % от состава этих общин.

В период 1990–2000 гг. баптистские общины потеряли многих своих прихожан из-за массового отъезда из страны этнических немцев, составлявших их основу, что привело к увеличению в них доли русских, а также представителей коренных среднеазиатских национальностей. Надо отметить, что при этом в баптистскую церковь не вступали воцерковлённые православные христиане: одной из причин того была работа с верующими православных священников на приходах, осуждавших переход в баптистские и другие инославные и иноверные общины как православных верующих, так и мусульман [4, с. 4]. Потому в основном в них шли русские, привлечённые материальными бла-

гами: в частности, гуманитарной помощью, постоянно поступавшей сюда из Германии.

Тем не менее, деятельность баптистов была активной и, надо отметить, не всегда деструктивной. Так, в 2007 г. по инициативе члена баптистской церкви Б. Ашурова, постоянно проживающего в Великобритании, было осуществлено издание сборника научных статей «Следы христианского верования в истории таджикского народа», куда вошли материалы как о христианской церкви в доисламский период, так и о русском православии в Средней Азии в XIX – нач. XX вв. Издание книги (в количестве 5 тыс. экз.) было профинансировано баптистской церковью Великобритании.

Не имевшие таких средств православные верующие в условиях гражданской войны и необходимости консолидации европейского населения, тем не менее, в 1995 г. предприняли попытку организации издания «общехристианской газеты» с совместным финансированием от различных конфессий. Первоначально Баптистская церковь выказала интерес к проекту, однако до дела так и не дошло и, несмотря на готовность типографии газеты 201-й МСД «Солдат России» оказать реальную помощь в выпуске этого периодического издания на своей базе с оплатой лишь стоимости бумаги (её надо было закупать дополнительно, на что у редакции средств не было), названное издание так и не увидело свет. Вместо этого на базе упомянутой армейской газеты было организовано издание православного приложения «За други своя», подготовку которого возглавил Сергей Стаценко – в то время псаломщик Свято-Никольского храма г. Душанбе, а ныне протоиерей, настоятель храма Св. Александра Невского в г. Ташкенте. Материалы приложения готовились молодыми членами казачьей общины «Амударьинская линия», пономарями, служащими в Свято-Никольском кафедральном соборе г. Душанбе. «За други своя» выходило в течение двух лет за счёт редакции армейской газеты.

Менее заметна в Таджикистане была деятельность Римско-католической церкви. В столице страны она располагала одним молельным домом с числом прихожан в двадцать-тридцать человек. В основном это были люди польской, немецкой и литовской национальности. Миссионерской активности с их стороны не было заметно. Ситуация изменилась в 1999 г., с приездом в Таджикистан католического священника Жана Люка. Этот священник, отлично владевший русским языком и имевший опыт миссионерской работы в Южной Америке, начал активную миссионерскую деятельность в среде русской христианской молодёжи в городах Душанбе и Курган-Тюбе. В частности, на католическую Пасху 2005 г. он организовал паломничество на место развалин христианского пещерного монастыря в Айвадже в пограничной с Афганистаном зоне, где на берегу р. Пяндж им была отслужена месса и крещён один человек (фото 3). В это паломничество были приглашены и православные священники, и прихожане, отчего все они отказались [6].

Фото 3. Католическая месса у пещерного храма в Айвадже, 2005 г.

Определённую активность в отношении православных проявляли также «Свидетели Иеговы», распространявшие среди русского населения журналы «Сторожевая башня» и «Пробудись!». В секте состояло небольшое количество русских, в основном из числа интеллигенции. В большей степени пропагандистская работа «Свидетелей Иеговы» была направлена на таджикскую и узбекскую молодёжь.

Бахоистская община в Таджикистане всегда была немногочисленна и состояла почти исключительно из русскоязычных таджиков, принадлежавших к интеллигенции, для которой были важны скорее историко-культурные ориентиры на иранскую культуру, чем религиозные убеждения [5].

Достаточно большую популярность в Таджикистане в годы гражданской войны приобрела протестантская церковь «Сон Мун» из Южной Кореи. Первые её адепты при посредничестве организаций Корейской национальной общины появились в стране ещё в 1989 г., но особую активность церковь проявила в 1995–2005 гг., когда в г. Душанбе появился её храм, расположенный в «спальном» районе столицы. Одним из методов привлечения молодёжи корейские проповедники избрали организацию бесплатных спортивных секций по корейскому стилю тойквандо, куда массово записывались сотни русских юношей и девушек. Однако для этой категории «адептов» всё заканчивалось только спортивными занятиями; они не интересовались проблемами культа. У мусульманского же населения страны деятельность этой церкви уже в начале 2000-х годов начала вызывать все возрастающее недовольство, так как посещавшая её молодёжь считалась «отпавшей» от ислама. В результате в 2008 г. против храма Сон Мун исламскими экстремистами был совершён террористический акт с подрывом самодельного взрывного устройства. Террорист – студент (мулло-бача) исламского духовного училища им. Термизи в г. Душанбе – был задержан и осуждён. Деятельность же церкви Сон Мун правительством РТ вскоре

была запрещена, а сама она квалифицирована как «экстремистская» организация.

В Таджикистане проживает небольшая армянская диаспора (около 1000 чел.), принадлежащая к Армянской апостольской церкви. Все они являются прихожанами Русских православных приходов. Вместе с тем, в 2009 г., по их просьбе и по разрешению руководства Ташкентской и Среднеазиатской епархии, во дворе Свято-Никольского кафедрального собора был установлен поклонный армянский крест (хачкар).

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что диалог с иноверными и инославными верующими в период гражданской войны в Таджикистане происходил в разных сферах общественной и политической жизни и имел богатое разнообразие форм, в зависимости от военно-политической обстановки в стране. В целом его можно характеризовать как положительный и вполне применимый как для диаспорального существования православной общины в иноверной среде, так и во взаимодействии с представителями других вероисповеданий в условиях численного доминирования верующих Русской Православной Церкви. Этот опыт тем более важен в нынешних условиях формирования многополярного мира, краха западной политики «мультикультурализма», в период, когда Историческая Россия ищет новые формы духовного сосуществования граждан, принадлежащих к различным культурно-историческим общностям.

Литература

1. Дубовицкая, И. М. Отречение / И. М. Дубовицкая // Боевой дозор. – 1996. – 12 мая. – С.7.
2. Дубовицкий, В. В. Оренбуржцы на пороге Индии / В. В. Дубовицкий // Оренбуржье. – 2022. – 09 сент. – с. 16.

3. Дубовицкий, В. В. Пост в поднебесье // «Боевой дозор», 14.10.1998 г., с. 4.
4. Зайченко, В.М. Таджики в неисламских конфессиях / В. М. Зайченко // Мизон. – 1998. – № 13. – С. 8.
5. Зайченко В. М. Таджики в неисламских конфессиях / В. М. Зайченко // Мизон. – 1998. – № 14. – С. 18.
6. Интервью В. В. Дубовицкого с католическим священником Жаком Люка от 03.05.2004 // Частный архив В. В. Дубовицкого.
7. Интервью В. В. Дубовицкого с председателем первичной организации Совета российских соотечественников в Таджикистане (СРСТ) С. Поповым от 03.05.2007 // Частный архив В. В. Дубовицкого.
8. Интервью В. В. Дубовицкого с председателем украинской общины в Республике Таджикистан «Криница» В. М. Зайченко от 14.10.1998 // Частный архив В. В. Дубовицкого.
9. Неизбежен ли радикальный ислам в Центральной Азии? Приоритеты действия // Отчет МГПК по Азии. – 2003. – № 72. – С. 5.
10. О военно-политической обстановке в Республике Таджикистан на 12.02.2001. – С. 3 // Частный архив В. В. Дубовицкого.
11. О положении в Республике Таджикистан на 05.06.1998. – С. 4 // Частный архив В. В. Дубовицкого.
12. Религиозная и политическая обстановка в Республике Таджикистан на 03.04.2013. – С. 3 // Частный архив В. В. Дубовицкого.
13. Справка о положении российских соотечественников в Республике Таджикистан и мерах по их поддержке на 01.01.2000. – С. 1 // Частный архив В. В. Дубовицкого.

DIALOGUE WITH HETERODOX AND NON-ORTHODOX FAITHS IN THE CONTEXT OF THE CIVIL WAR IN TAJIKISTAN

Abstract: The article analyzes the experience of the existence of believers of the Russian Orthodox Church in the conditions of civil war and the difficult military-political situation in Tajikistan in the period 1990–2023. The purpose of the article is to summarize the experience of the life and activities of our compatriots among the Muslim population, which has its own statehood, as well as with representatives of non-Orthodox confessions. Based on the inaccessible materials obtained during the period of residence in Tajikistan and activities in the structures of the Russian diaspora, the author shows the specifics of the daily life of the Orthodox in relations with representatives of various faiths. In conclusion, the author says that the experience of the life and work of Orthodox with heterodox and non-Orthodox citizens in the Republic of Tajikistan is a valuable material for study and application in the conditions of Russia, including in the Orenburg region.

Key words: national diasporas, Islamic fundamentalism, civil war, non-Orthodox environment, the heterodox.

References

1. Dubovitskaya I. M. Otrechenie [Renunciation]. In *Boevoy dozor* [Combat patrol]. 1996, May 12, P. 7. In Russian.
2. Dubovitsky V. V. Orenburzhcy na poroge Indii [Orenburg residents on the threshold of India]. In *Orenburzh'e* [Orenburg region]. 2022, 09 Sep., P. 16. In Russian.
3. Dubovitsky V. V. Post v podnebes'e [Post in the Celestial Empire]. In *Boevoy dozor* [Combat patrol]. 1998, October 14, p. 4. In Russian.
4. Zaichenko V. M. Tadzhihi v neislamskih konfessijah [Tajiks in non-Islamic confessions]. In *Mizon* [Mizon]. 1998. No. 13, P. 8. In Russian.

5. Zaichenko V. M. Tadzhiiki v neislamskih konfessijah [Tajiks in non-Islamic confessions]. In *Mizon* [Mizon]. 1998. No. 14, P. 18. In Russian.

6. Interv'ju V. V. Dubovickogo s katolicheskim svjashhennikom Zhakom Ljuka ot 03.05.2004 [Interview of V. V. Dubovitsky with the Catholic priest Jacques Luca from 03 May 2004]. Private archive of V. V. Dubovitsky. In Russian.

7. Interv'ju V. V. Dubovickogo s predsedatelem pervichnoj organizacii Soveta rossijskih sootchestvennikov v Tadzhiikistane S. Popovym ot 03.05.2007 [Interview of V. V. Dubovitsky with the chairman of the primary organization of the Council of Russian Compatriots in Tajikistan S. Popov from 03 May 2007]. Private archive of V. V. Dubovitsky. In Russian.

8. Interv'ju V. V. Dubovickogo s predsedatelem ukrainskoj obshhiny «Krynica» v respublike Tadzhiikistan V. M. Zajchenko ot 14.10.1998 [Interview of V. V. Dubovitsky with the chairman of the Ukrainian community “Krynitsa” in the Republic of Tajikistan V. M. Zaichenko from 14 October 1998]. Private archive of V. V. Dubovitsky. In Russian.

9. Neizbezhen li radikal'nyj islam v Central'noj Azii? Prioritety dejstvija [Is radical Islam inevitable in Central Asia? Priorities of action]. In *Otchet MGPK po Azii* [International Crisis Prevention Group Report on Asia]. 2003, No. 72, P. 5. In Russian.

10. O voenno-politicheskoj obstanovke v Respublike Tadzhiikistan na 12.02.2001 [On the military-political situation in the Republic of Tajikistan on 12 February 2001]. Private archive of V. V. Dubovitsky. P. 3. In Russian.

11. O polozhenii v Respublike Tadzhiikistan na 05.06.1998 [On the situation in the Republic of Tajikistan on 05 June 1998]. Private archive of V. V. Dubovitsky. P. 4. In Russian.

12. Religioznaja i politicheskaja obstanovka v Respublike Tadzhiikistan na 03.04.2013 [Religious and political situation in the Republic of Tajikistan on 03 April 2013]. Private archive of V. V. Dubovitsky. P. 3. In Russian.

13. Spravka o polozhenii rossijskih sootchestvennikov v Respublike Tadzhiestan i merah po ih podderzhke na 01.01.2000 [Information about the situation of Russian compatriots in the Republic of Tajikistan and measures to support them on 01 January 2000]. Private archive of V. V. Dubovitsky. P. 1. In Russian.